

А. А. Сатурин

Костромской музей-заповедник (КГИАХМЗ), Кострома

«Турецкие» курительные трубки из собрания Костромского музея-заповедника

Небольшая коллекция «турецких» курительных трубок Костромского музея-заповедника (69 экз.) сравнительно полно характеризует особенности среды их бытования на территории Костромского края. Связано это со спецификой формирования собрания: большая часть трубок невысокого качества происходит из археологических раскопок на территории г. Костромы, наиболее дорогие и редкие трубки получены музеем в дар в 1920-х гг. от бывших владельцев, часть предметов происходит из усадеб, расположенных в различных уголках Костромской области.

В конце XVIII в. Кострома становится центром наместничества, а затем и губернии. С этого же времени в отстраиваемом после большого пожара 1773 г. городе постоянно пребывают воинские части Российской императорской армии. Все эти события внесли существенные изменения в обыденную жизнь костромичей. Курительная трубка далеко не сразу стала привычным предметом быта костромского обывателя, о нераспространенности курения трубки в г. Костроме XVII – первой четверти XIX в. свидетельствует отсутствие в культурных отложениях посуда «голландских» белоглиняных трубок, широко известных в материалах раскопок других российских городов. Знакомство костромичей с курением, по-видимому, совпало с появлением моды на употребление так называемых турецких курительных трубок.

Значительное удешевление сырья и контакты с Турцией во второй половине XVIII – начале XIX в. способствовали распространению употребления табака среди различных слоев населения. В этот период дорогие и постоянно бившиеся «голландские» трубки постепенно начинают вытесняться более практичным и доступным «турецким» товаром. Одним из очагов моды на «турецкие» трубки как в Европе, так и в России были питейные заведения и ко-

фейни, где можно было купить табак и воспользоваться имевшимися в них трубками, специально приобретаемым в больших количествах. Благодаря кабакам привычка курения трубки распространилась даже в сельской местности; один из крестьянских «зароков не пить», скрепленный приговором сельского общества, содержал такую формулировку: «В питейные дома не ходить и в них трубку не курить» (Есинов, 2010).

Большинство исследователей выделяют несколько этапов распространения моды на курение «турецких» глиняных трубок. Первоначально немногочисленные и, как правило, действительно происходившие из Турции, трубки распространились в среде профессиональных военных и торговцев, имевших возможность приобретать их непосредственно в местах традиционного бытования или производства. Затем, в связи с появлением моды на Восток, курение левантийских трубок распространилось в аристократических кругах, представители которых могли заказывать как достаточно дорогие трубки из Константинополя, так и целые наборы для курения. На последнем этапе «стамбулки» стали частью повседневной жизни простых обывателей; возникший массовый спрос побудил местных производителей освоить технологию прессовки и начать изготовление копий популярных образцов. Одними из заказчиков дешевой продукции были мелкие оптовики, которые могли сбывать как новые, так и бывшие в употреблении трубки по достаточно бросовым ценам. Последний этап, как правило, совпадал с началом распространения совершенно новых, неизвестных в Турции, форм, выработанных местными гончарами на основе собственных представлений о функциональности и красоте.

Исследователи разделяют мнение о том, что постоянное пребывание войск на той или иной тер-

ритории являлось одним из основных источников моды на потребление табачных изделий. Показателен пример возникновения саратовской табачной фабрики К. Н. Штафа: Кондратий Николаевич, державший небольшую табачную лавку, решил основать фабрику после перевода в город гусарского полка в 1820 г. (Малинин, 2006. С. 178). В 1829 г. в лавку мешанина Е. И. Волкова, торговавшего в табачном ряду г. Костромы, поступил И. Н. Чумаков. Продажа табака и курительных аксессуаров оказалась настолько выгодной, что в 1836 г. Чумаков открыл собственную лавку в Табачных рядах, а еще через два года нанял помещение для открытия в Костроме первой табачной мануфактуры (Костромские купцы... 2006. С. 20). Несмотря на конкуренцию ярославских фирм Дунаева и Вахрамеева, костромской табак довольно быстро завоевал популярность – В. А. Гиляровский упоминал о нем в книге «Москва и москвичи». С торговли в мелкой лавке начинал и другой известный табачник – Н. Ф. Дунаев, основатель фабрики «Балканская звезда» (г. Ярославль); он торговал табаком, сигарами, трубками, чубуками и различного рода галантерейными товарами (Малинин, 2006. С. 183). Снижение спроса на глиняные трубки связывают с появлением на рубеже 1850–1860-х годов моды на папиросы, которые в целом обходились дороже. В среде малоимущих слоев населения курение трубки могло практиковаться на протяжении достаточно длительного времени. Весьма вероятно существование рынка бывших в употреблении глиняных трубок, о чем свидетельствуют находки изделий со следами использования в Табачных рядах г. Костромы (следы нагара имеют трубки КМЗ КОК-17628/4, 15, 16, 19).

Публикации, посвященные «турецким» курительным трубкам, бытовавшим на территории России в XVII–XIX вв., немногочисленны. Одним из первых к проблеме группировки подобного рода керамических изделий обратился Р. Л. Розенфельдт (1968. С. 56, 57). Большинство рассмотренных московских красноглиняных трубок автор отнес ко второй половине XVIII в., все трубки он разделил на изделия, изготовленные в формах с гладкой поверхностью и орнаментированные вручную при помощи различных штампов, и на трубки, изготовленные в формах с орнаментированной поверхностью, при этом последние, как правило, имели малые размеры. Значительная часть трубок первой группы, которую исследователь считал более ранней, относится к фасону «тахта-чубук» (см. ниже описание этого фасона) или его более поздним вариациям. Трубки небольших размеров Р. Л. Розенфельдт относил к более позднему времени.

Наиболее полную на данный момент типологию «турецких» курительных трубок российского происхождения опубликовали И. В. Волков и Г. Л. Новикова (1996). Исследователи выделили несколько фасонов – устойчивых форм трубок с характерной для них орнаментацией. Также были выделены признаки, маркирующие нетурецкое, предположительно московское, производство трубок по подобию бытовавших в то время оригинальных фасонов; значительное внимание уделено характеристике клейм и калыбов. Позднее И. В. Волков, анализируя частную коллекцию курительных трубок, выделил еще несколько фасонов и указал на признаки, которые необходимо учитывать при составлении развернутых описаний (Волков, 1999).

Среди работ последних лет следует отметить статью Е. В. Спиридоновой и Е. С. Рубан о коллекции керамических трубок из музеев Ярославля, Ростова, Тутаева и Рыбинска, в которой определенное внимание уделено типологии клейм, выделен ряд признаков, указывающих на изготовление подобного рода изделий в самом Ярославле (Спиридонова, Рубан, 2006). Заслуживает внимания статья о глиняных трубках из г. Калуги: ее авторы указали на признаки калужского производства подобного рода изделий, о чем свидетельствует находка бракованной глиняной двухсоставной формы для изготовления трубок фасона «тахта-чубук». В калужских материалах известны также глиняные погремушки, украшенные оттисками концевых штампов «каури» и «розетка», которые могли использоваться для орнаментации трубок (Федорова, Ткаченко, Федоров, 2015).

В зарубежной историографии исследованию керамических трубок традиционно уделялось гораздо больше внимания. Не стремясь к полному обзору иностранной литературы, отметим лишь некоторые, как кажется, наиболее интересные работы.

Р. Робинсон опубликовала каталог «турецких» курительных трубок из раскопок г. Коринфа и афинской Агоры (Robinson, 1985). Автор дала предварительную классификацию глиняных трубок, производимых в различных, преимущественно балканских, провинциях Турецкой империи, выделила некоторые признаки ранних и поздних форм. Исследовательница разделила найденные трубки на три группы по типу пресс-формы: трубки с дисковидным основанием, трубки с округлой чашечкой и лилиевидные трубки. В работе уделено большое внимание вопросу распространения обычая курения глиняных трубок с коротким хвостовиком на территории Османской империи в конце XVI – XVII в., на основании сопоставления письменных и вещественных источников выделены основные центры производства глиняных трубок.

К. Мейза ввела в научный оборот коллекцию курительных трубок из раскопок г. Варшавы (Meuza, 1999), привела данные о производстве «турецких» курительных трубок в Польше в XIX в., указала на одновременность бытования во второй половине XVIII – начале XIX в. трубок северного и турецкого типов.

Ф. Госс опубликовал коллекцию трубок, полученную в ходе подводных раскопок в бухте марсельского порта Помег (Gosse, 2001–2003). Автор выделил основные типы керамических курительных трубок, производимых в провинциях Османской империи на территории Балкан, Ближнего Востока и Северной Африки. При создании типологии исследователь в первую очередь учитывал математические характеристики пропорций венчика и основания чашечки.

М. Белих и М. Керни в статье, посвященной находкам курительных аксессуаров в словацком городе Нитра, дали общую характеристику основных марок и типов трубок, производимых на территории Австро-Венгрии (Bielich, Čurný, 2009). Мода на трубки левантийского типа в Габсбургской империи распространилась через наемные и турецкие войска в XVII–XVIII вв. Так как курение осуждалось католической церковью и было запрещено на законодательном уровне, ранние экземпляры XVII в. производились в анонимных гончарных мастерских. Большинство трубок из Словакии относится к XIX в., в это время на территории Австро-Венгрии действовало несколько десятков специализированных трубочных мануфактур, имевших свои торговые марки и клейма. К концу XIX в. только в словацком городе Банска Штявница насчитывалось около двадцати независимых трубочных мастерских. Л. Бекич ввел в научный оборот коллекцию глиняных трубок турецкого типа конца XVII – начала XX в. из Словакии (Bekić, 2010). Автор указал на несколько типов трубок, производимых на территории бывшей Австро-Венгрии, форма которых была позаимствована у широко распространенных османских образцов; подчеркнул местную самобытность орнаментального оформления подобных изделий. Трубки из с. Зелово (Хорватия) изготавливались в свинцовых пресс-формах с рельефным орнаментом. По мнению исследователя, стиль трубок из Хорватии сформировался под влиянием итальянских, османских и австро-венгерских производственных традиций трубочных мастеров (Bekić, 1999/2000. S. 271; Bekic, 2000–2001. P. 46).

В. Тодоров опубликовал коллекцию курительных трубок из раскопок болгарского г. Силистра (Тодоров, 2010), указал на проблему классификации

глиняных трубок турецкого типа, происходящую из использования различных оснований, которые используют исследователи при составлении классификаций. По его мнению, одни и те же фасоны у различных авторов называются по-разному и зачастую однотипные трубки относятся к разным группам рабочих классификаций. Как и Ф. Госс, он предложил универсальную типологию трубок – по форме базовых элементов, в основе которых лежат простые геометрические фигуры. Полученные комбинации частей позволили автору выделить несколько основных легкоузнаваемых типов.

А.-М. Груя описала трансформацию образа курильщика в произведениях живописи и прикладного искусства XVII–XIX вв. (Gruia, 2012). В западноевропейском искусстве сюжетам с трубками и курящими людьми первоначально придавалось негативно-комичное значение, позже, когда потребление табака стало довольно распространенной привычкой, изображения курильщиков приобрели нейтрально-бытовую окраску. Проанализировав содержание сюжетов на восточноевропейских изразцах XVII–XIX вв., автор пришла к заключению, что первоначально в странах Восточной Европы образ курильщика связывался с иностранцами или военными: цельноглиняные трубки северного типа изображались в качестве неизменного атрибута западноевропейского человека, тогда как трубки с коротким хвостовиком и деревянным чубуком связывались с образом военного или турка. На изразцах XIX в. курильщиками стали изображаться ремесленники, бродячие артисты и простые обыватели.

Болгарский исследователь К. Н. Батчваров описал коллекцию глиняных трубок, собранную в результате подводных археологических раскопок в бухте болгарского г. Киттен, на месте крушения торгового судна, датированного по монетам султана Селима III (1789–1807) концом XVIII – началом XIX в. (Batchvarov, 2009; 2014). Большая часть трубок была найдена в корме корабля, где располагалась каюта капитана и, возможно, совладельца судна. Большинство предметов имели следы использования.

А. де Винченц представила вариант классификации именных клейм турецких мастеров (Vincenz, 2014). На основании данных письменных источников и серии петрографических анализов исследовательница установила израильское происхождение некоторых трубок распространенных в Османской империи фасонов.

Д. А. Хиггинс охарактеризовал «экзотические» для Англии составные курительные трубки со съёмными деревянными чубуками (Higgins, 2014), при-

вел данные об увеличении количества импортных трубок «турецкого» типа во второй половине XIX в., связав это явление с ростом городского населения, развитием торговых сетей и появлением специализированных оптовых торговцев. В обстоятельном исследовании ученый уделил особое внимание османским курительным трубкам, которые никогда не являлись предметами массового импорта в Британию. Кроме турецких в Англии использовались глиняные трубки с короткими хвостовиками из Франции, Италии, а также из стран Центральной и Восточной Европы; автор указал на слияние османских и европейских гончарных традиций изготовления курительных трубок. Особую ценность исследованию придала публикация нескольких узко датированных комплексов предметов из частных коллекций и музеев Великобритании, включающих как глиняные турецкие трубки разных фасонов, так и аксессуары для курения.

Проблема датировки курительных трубок различных форм и фасонов недостаточно разработана в связи с обширным ассортиментом курительных трубок левантйского типа и немногочисленностью узкодатированных комплексов. Как правило, находки курительных аксессуаров приурочены к верхним слоям культурных напластований, не имеют четкого контекста и не могут быть датированы стратиграфическими методами. Не менее важной проблемой остается определение центров производства глиняных трубок турецкого типа как в самой Османской империи и граничивших с ней странах, так и в Европе.

Р. Робинсон указала на документально подтвержденный факт изготовления глиняных трубок в Османской империи с начала XVII по начало XX в. (Robinson, 1985. P. 152, 153, 161–163). Ранние трубки XVII в., по мнению исследовательницы, изготавливались из светлоглазующих глин, имели небольшие размеры, длинный хвостовик и, вероятно, являлись подражанием западноевропейским белоглиняным изделиям. С конца XVII в. трубки производились в Константинополе из красноглазующих глин, более поздние экземпляры стали делать из более высококачественных глин. Часть сырья для стамбульских трубочных мастерских привозилась из окрестностей оз. Ван, специальная глина под названием «весенняя роза» использовалась для придания трубкам богатого рубинового оттенка. В XVIII в. оформились основные турецкие фасоны, в нижней части трубок появился характерный рельефооформленный переход от втулки к чашечке, напоминающий киль корабля или лодки, с конца столетия форма киля могла варьировать от уплощенно-

го до сильно увеличенного. Автор указала основные центры массового производства глиняных трубок на территории Османской империи: ими стали города Люлебургаз (на северо-западе Турции), София (с 1604 г.) и Варна в Болгарии. В самом Стамбуле изготавливались высококачественные трубки, ранние трубки из района Топхане датируются концом XVIII в. По мнению исследовательницы, практически в каждом городе был гончар, производивший трубки; деревенские ремесленники могли заниматься производством трубок время от времени. По замечанию А. де Хаана, во второй четверти XIX в. в Турции наблюдался некоторый спад трубочного производства в связи с появлением моды на курительные трубки европейских мануфактур и заводов (Haan, 2004. P. 80). Снижение производства глиняных трубок в Турции было связано с распространением сигар и сигарет накануне и во время Первой мировой войны (Robinson, 1985. P. 152). Падение спроса на дорогие и сложные в изготовлении красноглиняные трубки побудило стамбульских гончаров переориентироваться на более практичную и недорогую продукцию (Haan, 2004. P. 90).

Раскопки в Северном Причерноморье, в том числе в крепостях, принадлежавших Османской империи, свидетельствуют о широком бытовании турецких курительных трубок на северных окраинах Порты (Зайцев, 2011. С. 24; Гусач, 2013). По оценкам Ш. Пейсонеля, в Крыму в середине XVIII в. продавалось свыше 200 тысяч привозных трубок ежегодно (Peyssonnel, 1787). Распространение в это время турецких трубок на территории европейской части России кажется весьма вероятным, однако до присоединения Крымского ханства к России вряд ли можно говорить о большом количестве курительных трубок, импортируемых из Северного Причерноморья. Вопрос об изготовлении глиняных трубок в Крыму остается открытым: по мнению А. Ибрагимовой, на полуострове нет месторождений глин хорошего качества (Ибрагимова, 2013. С. 335), И.В. Волков считает, что пригодную для прессовки глину могли добывать в крымских пещерах (Волков, 1999).

Большинство опубликованных красноглиняных «турецких» трубок из собрания Музея Москвы датированы в пределах второй половины XVIII – начала XIX в. (Волков, Новикова, 1996. С. 134). Трубки из раскопок других городов центральной и северной частей России чаще всего широко датируются по аналогии с московскими XVIII – первой половиной XIX в.; калужские курительные трубки относят ко второй половине XVIII – XIX в. (Федорова, Ткаченко, Федоров, 2015. С. 541); особый ин-

терес представляют изделия с годовыми клеймами (Федорова, Ткаченко, Федоров, 2015. С. 544–545; Bekić, 2000–2001. Р. 44).

В фонде «Керамика. Стекло» Костромского музея-заповедника хранится 14 «турецких» курительных трубок, найденных во время реставрации в подвале Овощных (Табачных) рядов в 1962–1963 гг. (Памятники архитектуры... 1996. С. 29). Здание построено в 1819–1824 гг. на месте засыпанного в первой четверти XIX в. рва второго костромского кремля (ГАКО. Ф. 497. Оп. 1. Д. 84.). С 1836 по 1890 г. лавкой в Табачных рядах владели известные костромские купцы Чумаковы. После смерти М. Н. Чумакова магазин, доставшийся В. И. Чумакову, был продан конкурирующей фирме – ярославской фабрике Дунаева (Костромские купцы... 2006. С. 20, 21, 27). Вместе с трубками найдены четыре берестяные табакерки с деревянными донцами (КМЗ КОК-17628/11–14)¹ и одна фарфоровая трубка австро-венгерского типа с высоким цилиндрическим венчиком и чашечкой в форме раковины моллюска (КМЗ КОК-17628/10)². Таким образом, все найденные вещи могут быть датированы не ранее первой четверти XIX в. Практически одновременный комплекс глиняных курительных трубок обнаружен при проведении реставрационных работ в тайнике Калужского гостиного двора (Столяров, 2008. С. 93). Все «турецкие» трубки из Табачных рядов Костромы, вероятно, российского производства; в коллекции нет ни одной трубки хорошего качества с подлинными турецкими клеймами.

По мнению И. В. Волкова и Г. Л. Новиковой, «турецкие» курительные трубки, вероятно, изготавливали в Москве (Волков, Новикова, 1996. С. 136). В первой половине XIX в. трубки «турецкого» типа могли производить на частных заводах Гжельского керамического района; известны фарфоровые, фаянсовые и красноглиняные курительные трубки первой половины XIX в. производства завода Гулиных (Поллях, 2004. С. 88, 89, 97. Рис. 5, 10–14). Есть указания на изготовление глиняных трубок в Калуге в XVIII–XIX вв. (Федорова, Ткаченко, Федоров, 2015. С. 541–542) и Москве на фабрике Агафонова с 1830-х годов (Higgins, 2014. Р. 34; Спиридонова, Рубан, 2006. С. 186–187).

Трубки могли изготавливать как в маленьких гончарных мастерских, так и на относительно крупных фарфоровых и фаянсовых заводах и ма-

нуфактурах, где работало от нескольких десятков до нескольких сотен мастеровых и рабочих. Учитывая относительную дешевизну красноглиняных трубок с короткой втулкой, решающим в вопросе целесообразности фабрикации подобной продукции могло быть наличие в районе производства подходящих по качеству глин, пригодных для изготовления трубок методом прессовки.

Вопрос о прекращении производства трубок «турецкого» типа на территории России по-прежнему остается открытым: источники об изготовлении и номенклатуре подобного рода товаров неизвестны. Намеки на продолжение использования «турецких» курительных трубок во второй половине XIX в. содержатся в произведениях отечественной литературы и декоративно-прикладного искусства. В фондах КМЗ хранится посудный шкаф второй половины XIX в., на торцевой стенке которого запечатлен мужчина в сюртуке, курящий «турецкую» трубку (рис. 1). На изразце, произведенном в с. Куты (Украина), изображен работающий за гончарным кругом ремесленник с трубкой восточного типа в зубах, дата изделия угадывается по надписи в правом углу композиции – «1878» (Gruia, 2012. Р. 203, 205. Fig. 5). Глиняные трубки с короткой втулкой упоминает К. Г. Паустовский в автобиографической «Повести о жизни» о событиях начиная с конца XIX в. (Ершов, 2010. С. 411).

В европейской историографии не закрепился общепринятый термин для обозначения трубок турецкого типа. Большинство исследователей считают, что мода на использование глиняных табачных чаш с коротким хвостовиком (втулкой) для съемного деревянного чубука распространилась из стран Восточной Европы, входивших в состав Османской империи или имевших общие с ней границы. По замечанию Д. А. Хиггинса, граница распространения белоглиняных трубок «северного» типа с монолитными чубуками и составных трубок «турецкого» типа прошла к северу от Альп: во всем Средиземноморье, на Балканах и в странах Восточной Европы распространились трубки левантийского облика (Higgins, 2014. Р. 15). Данное утверждение отнюдь не отрицает одновременность бытования «турецких» и «голландских» трубок в странах Средиземноморья и Восточной Европы, как это было и в самой Англии. Раскопки на территории Романова двора (г. Москва) подтвердили факт сосуществования

¹ Табак, хранившийся в берестяной таре, дольше сохранял свои потребительские свойства.

² Наибольшее распространение в Австро-Венгрии в XIX в. получили глиняные трубки с высоким венчиком и чашечкой в форме раковины моллюска типа *Schemnitz* (Bielich, 2009; Bekić, 2010).



Рис. 1. Стенка посудного шкафа, фр-т росписи, 2-я пол. XIX в. Буйский р-н Костромской обл., д. Бариново. Работа местных мастеров-красильщиков (КМЗ КОК-20305)

«голландских» и «турецких» трубок в XVIII–XIX вв. (Жуковский и др., 2009. С. 95, 395. Рис. 149), похожая ситуация наблюдалась в Санкт-Петербурге (Малинин, 2006. С. 44; Богданов, 2007. С. 49–50; Реброва, 2011. С. 317, 323). Ареал простых белоглиняных трубок, форма которых была отчасти позаимствована англичанами у североамериканских индейцев, в целом совпал с территорией протестантских стран Западной и Северной Европы.

В XVIII–XIX вв. производство курительных трубок в «восточном» стиле было налажено в Европе (Robinson, 1985. P. 152; Gosse, 2001–2003). Начинания европейских фабрикантов были настолько успешны, что «ориентальная» продукция европейских мастерских наполнила даже константинопольские рынки (Haan, 2004. P. 80). Составные трубки с глиняными чашами и деревянными чубуками изготавливались на территории Франции, Германии, Италии, Австро-Венгрии, Польши и России³.

Мода на сигары и папиросы далеко не сразу вытеснила глиняные трубки с рынков Европы. В Австро-Венгрии в конце XIX в. даже несколь-

ко возросло производство курительных трубок типа *coffeehouse* в связи с модой на курение в кофейнях (Vyšohlíd, 2009. P. 20). Во второй половине XIX в. увеличился континентальный европейский импорт «турецких» трубок в Великобританию (Higgins, 2014. P. 52). Последний константинопольский трубочный магазин закрылся только в 1929 г. (Robinson, 1985. P. 152; Haan, 2004. P. 80), французские фабрики Бонно и Морелли проработали до середины XX в. (Haan, 2013. P. 89). В некоторых районах Центральной и Восточной Европы трубочный промысел продолжает существовать и в настоящее время.

Составить классификацию «турецких» курительных трубок, бытовавших на территории европейской части России, не представляется возможным в силу слабой изученности существующих коллекций. Задача осложняется тем, что неизвестен полный ассортимент оригинальных «турецких» и местных фасонов; провести грань между турецкими изделиями и трубками, произведенными в Европе и европейской части России, иногда сложно.

³ Наиболее известные европейские марки курительных трубок турецкого типа: *Bonaud*, *Morelli*, *Gambier*, *Saillard aine* (Франция); *Zachar*, *Leyhn* (Германия); *Schemnitz*, *Coffeehouse*, *Seiler*, а также тюльпановидные трубки из хорватских сел Зелово и Загвозд (Австро-Венгрия); *J Ł S Z. STASZYWO W S.* (Польша) и др.



Рис. 2. Курительные трубки группы 1

1 – КОК ОФ-15290/205; 2 – КМЗ ВХ-42-14/99; 3 – КМЗ КОК-3651;
4 – КМЗ КОК-17628/4; 5 – КМЗ КОК-17628/1; 6 – КМЗ КОК-17628/3

При группировке глиняных курительных трубок из собрания Костромского музея⁴ учитывались форма чашечки, венчика и втулки; в качестве второстепенных признаков рассматривались следующие: наличие и форма киля, наличие и форма валика втулки, наличие или отсутствие типичных клейм и орнаментальных схем. Естественно, по мере накопления материала рабочая группировка «турецких» трубок из коллекции КМЗ будет расширяться.

Для анализа пропорций оснований чашечек взята следующая формула: H/D , где H – высота основания чашечки, D – максимальный диаметр основания чашечки (Gosse, 2001–2003). Математические характеристики венчиков и втулок не учитывались, так как эти части трубок довольно часто имеют повреждения. Вычисление общих пропорций чашечек кажется бесперспективным, так как у морфологически однотипных трубок могут быть разные пропорции.

1. К самой многочисленной группе (39 экз.; рис. 2) относятся трубки с эллипсоидным граненым основанием, десятигранным венчиком, выделенным килем и восьмигранной втулкой, заканчивающейся рельефным валиком. Большинство трубок рассматриваемой группы из коллекции КМЗ были найдены в г. Костроме: из них девять – в подвале Табачных рядов (рис. 2, 4–6). Почти все изделия из отложений городского культурного слоя

обожжены в окислительной среде, исключением является одна мореная трубка.

1а (34 экз.; рис. 2, 1–4). В отечественной историографии за фасоном красноглиняных трубок с граненой втулкой и чашечкой, орнаментированной с помощью типичного набора штампов, закрепилось название «тахта-чубук». И. В. Волков и Г. Л. Новикова предложили это название на основании сопоставления трубок указанного фасона из археологической коллекции музея г. Анапы и упоминания определенного сорта трубок в трактате Шарля Пейсонеля XVIII в. (Волков, Новикова, 1996. С. 135). Французский посол описал два вида трубок, один из которых – «тахта-чубук» – привозился из Константинополя вместе с мундштуками из слоновой кости. Шла ли речь о конкретной форме трубок или о более общем понятии, например, о красных трубках с длинными черешневыми чубуками, судить довольно трудно. По замечанию А. де Хаана, наименование «чубук» применялось к трубкам с длинным деревянным чубуком и ангобированной чашечкой, изготовленной из красножгущейся глины; подобные трубки из пригорода Константинополя Топхане отличались насыщенно-красным цветом (Haan, 2004. P. 79).

Нижняя дата бытования этого фасона трубок нуждается в уточнении. Большинство зарубежных

⁴ В статье представлена первичная (рабочая) группировка, не претендующая на универсальность.

исследователей датируют их XIX в. (Meуza, 1999. S. 15; Robinson, 1985. P. 186–187; Higgins, 2014. P. 28). По мнению Д. А. Хиггинса, данный фасон сформировался не позже начала XIX в.; 1820-ми годами датируются трубки из ящика для курительных принадлежностей, хранящегося в музее Йоркского замка; не позже 1830-х годов – трубка из раскопок нового Вестминстерского дворца (Higgins, 2014. P. 23, 28, 29. Fig. 16, 40–42); ко второй половине XIX в. относится трубка из Вавельского замка г. Кракова (Puziuk, 2015. S. 85. Rys. 9). К периоду не ранее второй четверти XIX в. принадлежат трубки из Табачных рядов г. Костромы.

Трубки с граненой чашечкой и втулкой, украшенные штампами «каури» и «полупальметка», довольно быстро завоевали популярность и стали копироваться во многих странах Европы (Gosse, 2001–2003; Haan, P. 92. Fig. 8; Higgins, 2014. P. 34). Известны трубки, изготовленные в Польше, Франции, землях Османской империи и, вероятно, в России. В каталоге продукции фабрики «Сайяр Эне» (Безансон, Франция) данный вид трубок отнесен к категории красноглиняных изделий Константинополя (Fabrique et entrepot... 1843). На постере последней четверти XIX в. фабрики «Морелли» этот фасон отнесен к категории левантийских тонкостенных красноглиняных трубок (Haan, 2013. P. 92. Fig. 8). Некоторые поздние трубки рассматриваемого фасона имеют цифровые клейма на втулке, одна из них найдена на муниципальной свалке Лондона 1905–1915 гг.; как считает Д. А. Хиггинс, подобные экземпляры импортировались в Британию из Центральной Европы (Higgins, 2014. P. 34–35. Fig. 22, 60–61).

Прототипом трубок фасона «тахта-чубук» могли быть изделия с гранеными втулками и венчиками, орнаментированными двухъярусными полупальметками, их эллипсоидные основания украшались вертикальным или косым рифлением либо выпуклыми медальонами. Трубки данного типа известны в материалах подводных раскопок в бухте г. Киттен (Болгария) на месте крушения торгового судна конца XVIII – начала XIX в. (Batchvarov, 2014. P. 10–12. Fig. 5, 6, 9). На происходящей из Турции трубке с выпуклыми медальонами на основании поставлено клеймо «птичка», традиционно датируемое рубежом XVIII – началом XIX в. (Ayhan, 2015. S. 13, 17). Похожие трубки встречаются в материалах раскопок крепости Алустон (Алядинова, 2013. С. 376. рис. 3, 9), известны в Болгарии (Кузов, Христов, 2016. С. 35. Tabl. III, 21–23), Греции (Robinson, 1985. P. 187, 197) и Румынии (Radu-Lorgus, Radu, Lonescu, 2013. P. 242, 249. Fig. 1, 12). По-видимо-

му, это был довольно распространенный на территории Османской империи и в Северном Причерноморье фасон в конце XVIII – начале XIX в., болгарские исследователи локализуют место производства данного вида трубок в причерноморском городе Варна (Batchvarov, 2014. P. 10; Кузов, Христов, 2016. P. 35. Tabl. III, 21–23 и др.).

Все трубки первой подгруппы имеют эллипсоидное граненое основание (коэффициент пропорциональности – 0,37–0,63), десятигранный венчик, выделенный киль и восьмигранную втулку, заканчивающуюся рельефным валиком. Вынутые из пресс-формы трубки имели также маленький рельефный валик на границе основания чашечки и венчика. Изделия орнаментировались концевым штампом, широким и узким зубчатым колесиком и вертикальными прорезными линиями. Некоторые элементы декора могли упускаться.

Всего восемь трубок из тридцати четырех изделий рассматриваемой группы имеют набор типичных декоративных элементов. Как правило, это трубки хорошего качества, часто с одним или двумя клеймами. Одна трубка, по-видимому турецкого производства, происходит из материалов раскопок 1951 г. М. В. Фехнер в Костроме (рис. 2, 1). Качество изготовления и нетипичная для российских трубок форма клейма «лист» выдает в данной трубке изделие османского происхождения, известно похожее клеймо на трубке фасона «тахта-чубук» из материалов раскопок болгарского г. Силистра (Тодоров, 2010. С. 822. Фиг. 7, 10). М. В. Фехнер датировала костромскую трубку XVIII в. (Фехнер, 1952. С. 106). Вторая качественная трубка имеет прямоугольное клеймо с арабской надписью (рис. 2, 2). Аналогичное клеймо в сочетании с именованным оттиском «Амин» и штампом «нишан» известно на похожей трубке предположительно турецкого происхождения, найденной в г. Варшаве (Meуza, 1999. S. 17–19. Tabl. II, 1). Третья трубка принадлежала помещику Апушкину из с. Бедрино Костромской губ. Изделие покрыто темно-красным ангобом, на левой стороне втулки круглое клеймо, внутреннее пространство оттиска заполнено арабской вязью (рис. 2, 3).

Среди сравнительно поздних изделий из датированного комплекса из Табачных рядов нет ни одной трубки хорошего качества с типичной для них орнаментацией, что можно объяснить либо одновременным бытованием трубок разного качества и, по-видимому, разных ценовых категорий, либо приуроченностью изделий хорошего качества к более раннему времени. На этих трубках отсутствует один или несколько типичных для фасона орна-

ментальных мотивов, например, перевернутые оттиски штампа «полупальметка» на гранях чашечки (рис. 2, 4). Трубки с полным набором декоративных элементов, вероятно, копировались с оригинальных турецких образцов. Естественно, небольшая выборка не позволяет делать какие-либо обобщающие выводы; с уверенностью можно говорить только об указанном условно-закрытом комплексе.

1б (5 экз.; рис. 2, 5–6). К категории более поздних по отношению к трубкам фасона «тахта-чубук» хорошего качества относятся, по-видимому, изделия с вариативными наборами декоративных элементов. Коэффициент пропорциональности основания чашечки – 0,38–0,82. Все изделия данной подгруппы происходят из подвала Табачных рядов. Трубки имеют маленький валик между основанием чашечки и граненым венчиком и некоторые декоративные элементы, типичные для фасона «тахта-чубук», например, трехъярусные полупальметки на гранях венчика. Несколько выделяются две трубки (рис. 2, 5–6), изготовленные в орнаментированных пресс-формах одного размера: на гранях основания чашечки легко узнаваемы «каури», втулки украшены орнаментом «волчий зуб», который в данном контексте можно рассматривать как развитие мотива выделения втулки трубок фасона «тахта-чубук» широким зубчатым колесиком. Обе трубки имеют одинаковый дефект на левой грани венчика, вероятно, предметы были изготовлены в одной форме.

2. Ко второй по численности группе относятся трубки с дисковидным основанием, коническим венчиком, выделенным килем и восьмигранной втулкой (рис. 3).

2а (2 экз.; рис. 3, 1–2). Трубки с дисковидным основанием. Коэффициент пропорциональности основания чашечки составляет 0,23–0,33. Подобные изделия традиционно считаются турецкими, также известны близкие по форме европейские курительные трубки (Fabrique et entrepot... 1843. P. 27; Robinson, 1985. P. 188; Gosse, 2001–2003. P. 23, 24). Термин «дисковидное основание» является общепринятым в западноевропейской историографии. В болгарской литературе закрепилось название «нарцисс» (Волков, Новикова, 1996. С. 135) – среди трубок с дисковидным основанием известны формы, напоминающие цветок из семейства лилейных. Трубки с дисковидным основанием, коническим венчиком и граненой втулкой чаще всего датируют XIX в. (Robinson, 1985. P. 188; Higgins, 2014. P. 23–8). Прототипом данного фасона могли быть относительно ранние турецкие трубки начала XVIII в. с небольшим простым диском и цилиндрическим венчиком. В XIX в. диск приобрел более

выраженные черты, появились конические венчики, несколько вариантов окончания кия и оформления полей диска (Higgins, 2014. P. 23).

В собрании КМЗ всего две трубки с дисковидным основанием: одна из них с клеймом саксонской мануфактуры *Leyhn* на нижней стороне втулки (рис. 3, 1), другая с круглым нечетким клеймом на левой стороне втулки, вероятно, турецкая (рис. 3, 2). Аналогичная трубка предположительно турецкого происхождения найдена в среднечешском г. Млада-Болеслав (Vyšohlíd, 2011. S. 73, 74. Obr. 1, 2).

2б (8 экз.; рис. 3, 3–5). Самая многочисленная в данной группе категория трубок относится к так называемому фасону «полунарцисс». По мнению И. В. Волкова и Г. Л. Новиковой, данный фасон получил распространение в московском производстве (Волков, Новикова, 1996. С. 135). Для фасона «полунарцисс» характерны небольшое граненое подэллипсоидное основание чашечки (коэффициент пропорциональности – 0,33–0,41) с довольно крутыми плечиками, отдаленно напоминающими нижнюю часть цветочного бутона. Орнаментация чашечки в большинстве случаев бедна или отсутствует; киль и рельефный валик на граненой втулке, как правило, выделены зубчатым колесом.

Четыре экземпляра из восьми рассмотренных трубок имеют клейма: примечательны круглое клеймо с арабской вязью (рис. 3, 3), оттиск с двумя буквами «ДМ» (рис. 3, 4), по-видимому, указывающий на место производства, и клеймо в виде символа, напоминающего кириллическую букву «Ж» (рис. 3, 5); аналогичный оттиск известен на глиняной трубке из г. Калуги (Федорова, Ткаченко, Федоров, 2015. С. 540. Рис. 1, 10). Возможное прочтение первого клейма – Урман-оглу. Практически аналогичные оттиски известны на тюльпановидных трубках из Феодосии в Крыму (Волков, 1999. Рис. 3). Аналогии второму клейму известны в коллекциях, полученных в ходе раскопок в Москве, при этом, как минимум, одна трубка с аналогичным оттиском относится к фасону «полунарцисс» (Волков, Новикова, 1996. С. 137).

3. Трубки с эллипсоидным основанием и круглой в сечении втулкой (9 экз.; рис. 4, 1–2). Небольшие, как правило изготовленные в орнаментированной пресс-форме, трубки. Похожие трубки найдены в отходах фаянсового производства завода Гулиных в Подмоскowie (Полюлях, 2004. С. 96. Рис. 5, 12, 14).

3а (5 экз.; рис. 4, 1). В коллекции КМЗ довольно четко выделяется группа трубок без кия, к которым относятся изделия с эллипсоидным, обычно рифле-



Рис. 3. Курительные трубки группы 2

1 – КМЗ КОК-3664; 2 – КМЗ КОК-3647; 3 – КМЗ КОК-3657; 4 – КМЗ ОФ-1086/2; 5 – КМЗ ВХ-84-09/18

ным основанием чашечки и рельефным валиком подпрямоугольного сечения на втулке, орнаментированным прокаткой решетчатого штампа-валика.

3б (4 экз.; рис. 4, 2). Остальные трубки имеют выделенный рельефом киль, не столь выразительный, как на трубках фасона «тахта-чубук», в большинстве случаев они довольно бедно орнаментированы. Коэффициент пропорциональности основания чашечки – 0,48–0,51.

4. К четвертой группе относятся небольшие трубки, изготовленные в форме с орнаментированной поверхностью (5 экз.; рис. 4, 3–4). Все трубки данной группы имеют схожие пропорции и малый объем чашечки. По замечанию И. В. Волкова, данный тип трубок не имеет турецких или причерноморских аналогий (Волков, Новикова, 1996. С. 136). Образцом для российских трубок рассматриваемого фасона могли служить маленькие европейские глазурованные трубки XVII–XVIII вв. Р. Робинсон считала небольшой объем чашечки труб-

ки одним из признаков относительно раннего происхождения (Robinson, 1985. P. 161). Р. Л. Розенфельдт относил подобные трубки ко второй половине XVIII в. (Розенфельдт, 1968. С. 57).

4а (3 экз.; рис. 4, 3). Трубки данной подгруппы имеют небольшие размеры и бедную орнаментацию, нанесенную в большинстве случаев прессформой. Коэффициент пропорциональности основания чашечки – 0,46–0,60. Отечественные исследователи подобные трубки чаще всего относят к так называемому малому фасону (Волков, Новикова, 1996. С. 136; Спиридонова, Рубан, 2006. С. 182). Две трубки «малого» фасона происходят из подвала Табачных рядов.

4б (2 экз.; рис. 4, 4) Антропоморфные трубки являлись подражанием европейским терракотовым и фарфоровым трубкам, датируемым XVII–XIX вв. (Bekis, 1999/2000. S. 263, 267. Tabl. 1, 3, 6; Vyšohlíd, 2011. S. 80, 81. Obr. 2, 1–6; Holub, Kolařík, Lečbychová, 2016. S. 164, 165. Obr. 3,



Рис. 4. Курительные трубки группы 3–5

1 – КМЗ КОК-3656; 2 – КМЗ ВХ-84-09/9; 3 – КМЗ КОК-17628/2;
4 – КМЗ КОК-3663; 5 – КМЗ ОФ-3578/3; 6 – КМЗ КОК-3650

3). Большая часть стилистически близких изделий, найденных на территории Украины, датированы XVIII–XIX вв. (Калашиник, 2015. С. 35).

Подобные трубки были известны как в Старом, так и Новом Свете. В каталоге «Сайяр Эне» 1845 г. представлено не менее тридцати вариантов антропоморфных трубок в виде мужских и женских голов, изображавших турецких вельмож, купцов, военных или наложниц (Fabrique et entrepot... 1843). В США во второй половине XIX в. пользовались спросом трубки в виде голов президентов. О популярности антропоморфных чашечек в Европе и России свидетельствуют находки трубок невысокого качества, прессованных в глиняных формах, изготовленных путем оттиска уже готового изделия (Федорова, Ткаченко, Федоров, 2015. С. 541–543). Половинка подобной формы найдена в поморском городе Штральзунд (Moller, 2012. S. 73. Abb. 6).

5. К пятой группе относятся трубки с полусферическим основанием (2 экз.; рис. 4, 5–6). По мнению Ф. Госс, трубки с округлым основанием, как правило, относятся к изделиям греческого происхождения (Gosse, 2001–2003). Для группы характерны сферическое или полусферическое основание чашечки (коэффициент пропорциональности – 0,47–0,57), прямой, обычно короткий венчик и круглая в сечении втулка.

Первая трубка (рис. 4, 5) имеет полусферическое ребристое основание и прямой короткий венчик, она близка типу G1-а по Ф. Госс (Gosse, 2001–2003. P. 95). Подобные трубки со схожими декоративными схемами Р. Робинсон предварительно датирова-

ла началом XIX в. (Robinson, 1985. P. 182). Вторая трубка (рис. 4, 6) – чернолощеная, с прямым венчиком и рифленным, почти эллипсоидным основанием, близка типу G2-а по Ф. Госс; данный тип трубок, вероятно, сформировался под турецким влиянием (Gosse, 2001–2003. P. 108). Относительно большой объем чашечки и неполные аналогии позволяют предварительно датировать данные трубки XIX в.

Несколько фрагментов не вошло в предложенную нами группировку, три из них явно относятся к фасону «тахта-чубук» или «полунарцисс».

Девятнадцать трубок из собрания КМЗ имеют клейма (рис. 5). По большей части оттиски поставлены на правой стороне втулки, исключением являются три, вероятно, подлинные турецкие трубки с круглыми клеймами, оттиснутыми на левой стороне (рис. 2, 3; 3, 2–3). Клейма имеют трубки фасона «тахта-чубук» (11 экз.), трубки фасона «полунарцисс» (4 экз.) и трубки с дисковидным основанием (2 экз.). Два клейма относятся к фрагментам трубок с граненой втулкой. По-видимому, как имитацию клейма следует рассматривать оттиск штампа «каури» на правой стороне втулки трубки фасона «тахта-чубук» (КМЗ КОК 21013/2). Некоторые клейма имеют изображения, подражающие арабской графике.

Все клейма можно разделить на буквенно-цифровые и изобразительные. По форме оттиски делятся на несколько групп (рис. 5).

1. Клейма круглой и овальной формы можно разделить на три подгруппы: 1а – клейма с арабской вязью и ее имитацией (рис. 5, 1–5); 1б – клейма «розетки» (рис. 5, 6–7); 1в – клейма

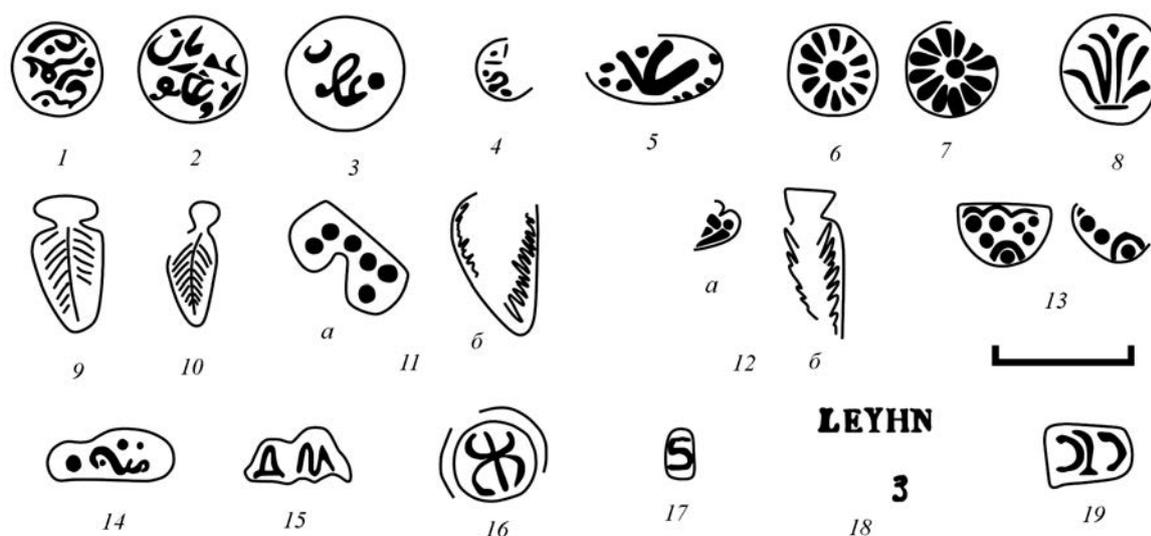


Рис. 5. Клейма на трубках из коллекции Костромского музея-заповедника

1 – КМЗ КОК-3651; 2 – КМЗ КОК-3657; 3 – КМЗ КОК-3647; 4 – КМЗ ВХ-18-09/6; 5 – КМЗ КОК-17628/18; 6 – КМЗ КОК-21013/1; 7 – КМЗ КОК 29205/22; 8 – КМЗ КОК-23148/1; 9 – КМЗ ОФ-681/9; 10 – КМЗ ВХ-38-11/20; 11 – КМЗ ОФ-3576/7; 12 – КМЗ ОФ-15290/205; 13 – КМЗ ОФ-2166/1; 14 – КМЗ ОФ-3478/37; 15 – КМЗ ОФ-1086/2; 16 – КМЗ ВХ-84-09/18; 17 – КМЗ ВХ-5-13/1; 18 – КМЗ КОК-3664; 19 – КМЗ ВХ-42-14/99

с растительным (криновидным) орнаментом (рис. 5, 8).

2. Клейма с оттиском «лист» по расположению прожилок делятся на две подгруппы: 2а – «лист» с прожилками, идущими от подтреугольного «черешка» в сторону сужения листа (рис. 5, 9–11); 2б – «лист» с прожилками, идущими к подтреугольному «черешку» от узкой части листа (рис. 5, 12).

3. Сегментовидные, обычно парные или сдвоенные клейма делятся на две подгруппы: 3а – парные оттиски клейма «нишан» (рис. 5, 13); 3б – сдвоенные клейма с выпуклыми точками и линиями, вероятно, подражания клеймам из первой подгруппы (рис. 5, 11а, 12а, 14).

4. Клейма в виде букв и цифр: 4а – в виде оттиска штампа с кириллическими буквами (рис. 5, 15–16); 4б – в виде цифр (рис. 5, 17); 4г – в виде надписи лагиницей и цифровой маркировки (рис. 5, 18).

5. Клейма подпрямоугольной формы. К данной группе относится единственный оттиск с арабской надписью (рис. 5, 19).

Не встречаются клейма на трубках, прессованных в орнаментированных формах. Изготовление подобных изделий предполагало массовое тиражирование и не сопровождалось клеймением и декорированием поверхности втулки и чашечки с помощью концевых штампов.

Ранние клейма с именами мастеров известны в Турции с середины XVII в. (Vincenz, 2014. P. 71). Однако практика маркировки изделий начинается

широко распространяться только со следующего столетия (Robinson, 1985. P. 161; Kopeczny, Dincă, 2012. P. 171, 172).

Больше всего споров вызывает расшифровка парного клейма «нишан». Трубки со сдвоенными или строеными сегментовидными клеймами, известные в различных частях Османской империи, наиболее типичны для трубок фасона «тахтачубук» (Robinson, 1985. P. 186). А. Халаби увидел в клейме «нишан» перевернутую надпись «Аллах» (Batchvarov, 2014. P. 11). Это утверждение дало повод некоторым исследователям предположить, что указанное клеймо является неграмотным копированием арабской графики. Робинсон рассматривала клейма данной группы как простые, ничего не значащие подражания турецким надписям (Robinson, 1985. P. 186). В отечественной историографии это клеймо интерпретировано как цеховое: «нишан» по-турецки – «клеймо» (Волков, Новикова, 1996. С. 137). Де Винчесс выдвинула оригинальное предположение, что оттиск «нишан» является именным клеймом мастера армянского происхождения – гончар-армянин мог намеренно сократить свою фамилию так, чтобы в зеркальном отображении клеймо читалось как «Аллах» (Vincenz, 2014. P. 71, 76; 2016, P. 118, 119). Интересна трубка с личным клеймом «Амин» в сочетании с оттиском «нишан» из материалов раскопок королевского замка в Варшаве (Mezsa, 1999. S. 17–19. Tabl. II, 1). Учитывая многочисленные находки и широкий ареал распростра-

нения трубок с клеймом «нишан», его трактовка как цехового кажется наиболее правдоподобной. Владельцем клейма «нишан» мог быть также хозяин мастерской или оптовый торговец, на которого работали несколько мелких гончаров-изготовителей.

Вместе с клеймом «нишан» зачастую встречается оттиск в виде листа или дерева с прожилками или ветвями, направленными либо в сторону сужения оттиска, как на табачном листе, либо от узкой части знака к его расширению. Большинство клейм на трубках российского происхождения относится к первому типу (Волков, Новикова, 1996. С. 137). Трубки с оттиском штампа «лист» обычно датируют XIX в. (Robinson, 1985. P. 197; Gosse, 2001–2003. P. 60).

Помимо именных в Османской империи были известны трубки с декоративными клеймами в виде различных вариантов розеток, птиц и цветов, известны также оттиски с надписями-пожеланиями или фрагментами поэм (Vincenz, 2014. P. 87; 2016, P. 113). Клейма с арабскими надписями, а также с изображениями цветов и розеток встречаются на трубках турецкой крепости Азак (г. Азов) конца XVII – первой половины XVIII в. (Гусач, 2013. С. 379, 381). Традиция клеймения трубок с помощью штампов в виде нейтральных изображений и надписей, возникшая в первой половине XVII в. во время гонений на табакокурение, сохранялась достаточно длительное время.

Цифровые маркировки, встречающиеся на изделиях европейского происхождения (Higgins, 2014. P. 34), для турецких глиняных трубок не типичны. Единственная западноевропейская трубка из собрания Костромского музея (рис. 3, 1) имеет клеймо с названием мануфактуры LEYHN и цифровую маркировку с нижней стороны втулки. Трубки с клеймом LEYHN производились на фабрике в г. Вермдорф (Северная Саксония) с 1812 г. (по другим данным – с 1815 г.). Мануфактура, принадлежавшая Филиппу Евгениусу Лейхену, славилась посудой, трубками и мелкой глиняной пластикой, изготавливавшейся из очень твердой после обжига темно-коричневой высокожелезистой глины, которая имела торговое наименование *Siderolith* (Klutting-Altman, 2013. P. 405, 408). Кроме цифровой маркировки на трубках, по-видимому, ставились годовые клейма. В калужских материалах известна трубка с клеймом в виде овала с цифрами 1845 и точкой. По мнению исследователей, данное клеймо может означать дату производства (Федорова, Ткаченко, Федоров, 2015. С. 544).

На трубках российского происхождения встречается клеймо «ДМ». Из собрания «голландских» трубок, найденных при проведении земляных работ

на ул. Басманной в Москве, происходит белоглиняная трубка производства мануфактуры А.К. Гребенщикова с клеймом в виде аббревиатуры из кириллических букв «МГ». По мнению А.А. Полюляха, клеймо читается как «Мануфактура Гребенщикова» или «Москва Гребенщиков» (Полюлях, 2013. С. 293). Похожим образом может трактоваться клеймо «ДМ». С 1744 г. российские промышленники были обязаны ставить клейма в виде русских литер, содержащих информацию о производителе (Полюлях, 2013. С. 299). В Костроме с 1780 г. существовал гончарный завод Д.Д. Масленникова, специализировавшийся на изготовлении печных изразцов (Каткова, 2017. С. 11); побочным продуктом изразцового производства могли быть глиняные курительные трубки с клеймом «ДМ».

Четыре трубки из коллекции КМЗ имеют черешневые чубуки длиной от 25,3 до 89,0 см (рис. 6), один чубук трехсоставной (КМЗ КОК-3657), другой имеет костяной мундштук (рис. 6, а). Условно чубуком можно назвать короткий самодельный деревянный мундштук (рис. 6, в) от антропоморфной трубки. Чубуки изготавливались из различных пород древесины. Излюбленным материалом был жасмин, которому приписывали свойство поглощать никотин, также использовались черешня, шиповник и лещина (Vincenz, 2014. P. 71). Высококачественные чубуки, изготовленные из специально выращенных для этой цели деревьев, импортировались в Турцию из Ирана (Batchvarov, 2014. P. 15), в Россию чубуки поставлялись преимущественно с Кавказа (Богданов, 2007. С. 44). Дорогие чубуки украшались шелком или вышитой бисером тканью, инкрустировались драгоценными металлами и камнями (Robinson, 1985. P. 156). На большинстве чубуков специально оставалась кора. Известны составные чубуки из нескольких частей, соединенных между собой с помощью металлических переходников. Наибольшая длина чубуков составляла 4 м, обычным делом было использование двухметровых чубуков, в путешествиях и военных походах предпочитали относительно короткие трубки длиной около метра (Batchvarov, 2014. P. 4). Назначение длинных деревянных чубуков – охлаждение и очищение дыма. Существует мнение об использовании более коротких трубок 20–100 см в странах с прохладным климатом (Batchvarov, 2014. P. 15).

Чубуки, будучи универсальным товаром, продаваемым в розницу, подходили трубкам различного происхождения. Применение съемных деревянных чубуков позволяло создавать трубки любой длины, одни и те же чашечки могли использоваться в различных обстоятельствах, как в расслабляющей домашней обстановке, так и в поездке.



Рис. 6. Трубки в сборе. Номера предметов сверху вниз: КМЗ КОК-3647, 3664, 3663

Мундштуки, крепившиеся к чубукам (рис. 6, а), не являлись обязательным для курения аксессуаром. Дорогие изделия свидетельствовали о статусе владельца. В Османской империи янтарные мундштуки использовались в качестве взяток (Batchvarov, 2014. Р. 15). Мундштуки изготавливались из янтаря, поделочных и полудрагоценных камней, слоновой кости или кораллов, украшались эмалью (Robinson, 1985. Р. 156).

Большинство трубок из собрания КМЗ имеют признаки незначительного или интенсивного использования. Довольно часто на козырьках от прокалывания дымового канала или на внутренних поверхностях чашечек фиксируются следы нагара. Некоторые сколы на краях венчика и втулки, вероятно, получены в результате выбивания пепла; дешевые разбитые трубки выбрасывались, дорогие экземпляры ремонтировались – поврежден-

ные края чашечки или втулки заключались в бронзовые оправы (рис. 3, 1).

Трубки с металлическими оправками были широко распространены в Европе и на Востоке; изделия с закрывающимися крышками, защищавшими тлеющий табак от ветра и атмосферных осадков, были удобны для моряков и охотников. Кроме того, подобные трубки были менее пожароопасны. В 1788 г. в Австро-Венгрии приняли закон, согласно которому каждая курительная трубка должна была оснащаться крышкой, чтобы предотвратить любую возможность случайного возгорания (Lučić, 2012. Р. 10). По замечанию А. де Хаана, трубки с крышками в начале XX в. производились в Топхане специально для европейского рынка (Haan, 2014. Р. 69). Колечки на металлических оправках втулок предназначались для дополнительного крепления чашечки к чубуку с помощью нити (рис. 6, а). В случае

отсутствия дополнительного кольца использовали шелковый или шерстяной шнурок (Наан, 2014. Р. 69. Afb. 2): трубки имели валики на расширяющихся к концу втулках, препятствующие соскальзыванию крепежной петли, с помощью которой фиксировалось окончание втулки, другой конец шнура привязывали к чубуку или основанию мундштука.

Значительная часть трубок из собрания КМЗ, по-видимому, относится к началу – середине XIX в. Относительно ранними экземплярами, вероятно, являются качественные трубки фасона «тахта-чубук» с устойчивым набором декоративных элементов. Позднее появились изделия с вариативным набором орнаментальных мотивов, декоративная схема которых сформировалась на основе более ранних образцов. Поздними также являются трубки, изготовленные в орнаментированных пресс-формах. Сам способ производства предполагал массовость подобного рода продукции, почти все изделия имеют небрежно срезанный шов и мелкие дефекты формовки. В качестве исключения можно рассматривать «антропоморфный» фасон, длительное время пользовавшийся особой популярностью.

Трубки с гранеными хвостовиками, окончания которых подчеркнуты рельефным валиком с ложбинкой для прокатки зубчатого колеса (фасоны «тахта-чубук», «полунарцисс», «малый»), были

широко распространены на территории европейской части России и, по-видимому, бытовали одновременно. Разные объемы чашечек данной категории трубок и обилие вариантов оформления и клеймения, при обязательном сохранении узнаваемых черт, открывают обширное поле для дальнейших исследований. С уверенностью можно говорить о наличии в фондах КМЗ нескольких оригинальных турецких и европейских экземпляров, как правило, это изящные изделия, имеющие клейма и бронзовые оправы.

Трубки с клеймами различаются по качеству: по-видимому, аккуратно орнаментированные трубки с небольшим количеством формовочных дефектов происходят из специализированных мастерских или гончарных заводов. Как правило, такие трубки имеют клейма с четкими очертаниями и тщательно проработанными мелкими деталями; клейма на неряшливо оформленных трубках чаще всего являются подражаниями.

Вопрос о создании типологии «турецких» курительных трубок, учитывающей данные о времени бытования, местах производства и ареале распространения тех или иных фасонов, – дело далекого будущего. На данном этапе исследований чрезвычайно актуальной является публикация узко датированных комплексов трубок.

Литература

Алядинова Д. 2013. Керамические курительные трубки османского периода из раскопок на территории крепости Алустан // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні збірник наукових праць. Вип. 22. Ч. I. Київ. С. 372–378.

Богданов И. А., 2007. Дым отечества, или Краткая история табакокурения. М.: Новое литературное обозрение. 272 с.

Волков И. В., 1999. Частная коллекция «турецких» курительных трубок из Москвы // Материальная культура Востока. М.: Компания Спутник.

Волков И. В., Новикова Г. Л., 1996. Красноглиняные «турецкие» курительные трубки в собрании Музея истории города Москвы // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Вип. 9. М.: МИГМ. С. 134–152.

Гусач И. Р., 2013. Османские курительные трубки из раскопок в крепости Азак // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 22. Київ. С. 379–383.

Зайцев И. В., 2011. Табак и курение в Крыму (XVII–XVIII вв.) // История и современность. Вип. 2 (14). Волгоград: Учитель. С. 13–33.

Ершов И. Н., 2010. Исследования в исторической части города Подольска в 2008 году // АП. Вип. 6. М.: ИА РАН. С. 398–413.

Есинов В. В., 2010. Житие великого грешника. Документально-лирическое повествование о судьбе русского пьяницы и замечательного историка-самоучки Ивана Гавриловича Прыжова. М.: Русская панорама. 240 с.

Жуковский М. О., Кренке Н. А., Молошикова М. А., Рыбина Л. А., 2009. Комплексы XVIII–XIX веков: оранжерея графов Орловых // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX вв. М.: ИА РАН. 524 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12).

Ибрагимова А., 2013. Материальная культура Бахчирайского ханского дворца (по итогам архитектурно-археологических исследований 2000–2012 гг.) // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні збірник наукових праць. Вип. 22. Ч. I. Київ. С. 335–359.

Калашиник Е., 2015. Курильні люльки антропоморфного типу // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи. Матеріали XIV Між-

народної студентської наукової археологічної конференції. Чернігів. С. 33–36.

Каткова С. С., 2017. Авторские метки на изразцах XVIII в. // Русский изразец. М.: Академия акварели и изящных искусств Сергея Андрияки. С. 7–11.

Костромские купцы Чумаковы, 2006. Сост. А. В. Бялко. М.: Октопус. 504 с.

Кузов Х., Христов М., 2016. Проучвания по северната крепостна стена и зидан водопровод на късноантичния Одесос // Журнал за исторически и археологически изследвания. Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски». С. 5–37.

Малинин А. В., 2006. Табачная история России. М.: Русский табак. 336 с.

Памятники архитектуры Костромской области / Под ред. В. Б. Корозина. Вып. 1. Ч. 1. Кострома: Издательско-полиграфическое предприятие «Кострома», 1996. 366 с.

Полюях А. А., 2004. Новые материалы о фаянсовом производстве завода Гулиных // Забелинские научные чтения – 2003. Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Вып. 143. М. С. 88–98.

Полюях А. А., 2013. К вопросу об атрибуции курительных трубок завода А. К. Гребенщикова в Москве // АП. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 288–301.

Реброва Р. В., 2011. Белоглиняные курительные трубки в коллекции Государственного Эрмитажа // Тр. ГЭ. Т. LVIII. СПб.: ГЭ. С. 317–328.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е1-39. М.: Наука. 124 с.

Спиридонова Е. В., Рубан Е. С., 2006. Курительные трубки XVIII – начала XIX веков из музеев Ярославской области // Археология: история и перспективы: Вторая межрегиональная конференция. Ярославль: Рыбинский Дом печати. С. 178–189.

Столяров Е. В., 2008. Курительные «турецкие» трубки с торговой пристани г. Калуги: к истории одной находки // Научные труды Калужского государственного педагогического университета. Сер. гуманитарные науки. Калуга: КГУ. С. 92–98.

Тодоров В., 2010. Характеристика на колекцията керамични лули от Силистра // Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis. Supplementum V. Sofiâ: Universitetsko izdaltelstvo Sv. Kliment Ohridski. С. 813–826.

Федорова Л. И., Ткаченко В. А., Федоров В. В., 2015. Местные особенности бытования глиняных курительных трубок в Калуге и окрестностях // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 539–546.

Фехнер М. В., 1952. Раскопки в Костроме (к вопросу о времени возникновения Костромы и ее первоначальном местоположении) // КСИИМК. Вып. XLVII. С. 101–108.

Ayhan G., 2015. Lülelerde Görülen Kuş Figürleri Üzerine Bir Araştırma // Sanat Tarihi Dergisi. Bornova. Vol. 24. № 1. April. S. 1–21.

Batchvarov K. N., 2009. The Kitten shipwreck archaeology and reconstruction of a Black sea. Doctoral dissertation. Texas A&M University, College Station. 326 p.

Batchvarov K. N., 2014. Clay Pipes and Smoking Paraphernalia from the Kitten Shipwreck, an Early Nineteenth-Century Black Sea Merchantman // International Journal of Historical Archaeology. Vol. 18. Is. 1. N. Y.: Springer. P. 1–19.

Bekić L., 1999/2000. Uvod u problematiku glinenih lula na području Hrvatske // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu XXXII/XXXIII. № 1. S. 249–279.

Bekić L., 2000–2001. Clay pipes made in Zelovo, Croatia // Society for clay pipe research. Newsletter 57. Worcester. P. 44–49.

Bekić L., 2010. Brief Introduction to Clay Pipe Finds in Croatia With Special Attention to Local Pipes Found at Fort Čanjevo in The Kalnik Hills // Journal of the Academie Internationale de la Pipe. Liverpool. Vol. 3. P. 113–120.

Bielich M., Čurný M., 2009. Pipe finds from Nitra and Nitra pipe production // Studies in Post-Medieval Archaeology. Post-medieval ceramics. Production, assortment, usage. Prague: Archaia. S. 337–362.

de Vincenz A., 2014. Marks on the pipes // Bere e fumare ai confini dell'impero. Caffè e tabacco a Stari Bar nel periodo ottoman. Firenze: All'insegna del giglio. P. 71–87.

Fabrique et entrepot de pipes en terre. Saillard aîné (Besançon, Doubs), 1843. 27 p.

Gosse Ph., 2001–2003. Les pipes de l'Empire Ottoman. Fouilles archeologiques du port de quarantaine. Sur l'île de Pomegues.

Gruia A-M., 2012. Depictions of Smokers on Stove Tiles (17th–19th centuries) // Ziridava. Studia archaeologica. 26/1. Cluj-Napoca: Editura MEGA. P. 201–208.

Haan A. R., de, 2004. 19th century clay chinooks made in Tophane // The pipe year book. Paris. P. 79–90.

Haan A. R., de, 2013. Morelli and the Tophane pipe // Journal of the Académie Internationale de la Pipe. Vol. 6. Liverpool. P. 89–95.

Haan A. R., de, 2014. Samengestelde messing deksels uit Thüringen op pijpen uit Tophane, Ruhla en Schemnitz // Jaarboek van de PKN, stichting voor onderzoek historische tabakspijpen. Leiden. P. 69–73.

Higgins D. A., 2014. «Exotic imports»: an initial assessment of detachable tobacco pipe bowls and other smoking exotica used by the British at home and abroad // *Journal of the Academie Internationale de la Pipe*. Liverpool. Vol. 7. P. 15–64.

Kluttung-Altman R., 2013. Archaeology in Pirna: The Systematic Study of Post-Medieval Finds Based on the Example of a Small Town in Saxony // *Historical Archaeology in Central Europe*. Rockville. P. 395–409.

Kopeczny Z., Dincă R., 2012. Tobacco Clay Pipes Discovered in the Historical Center of Timișoara // *Ziridava. Studia archaeologica*. 26/1. Cluj-Napoca: Editura MEGA. P. 167–190.

Lučić B., 2012. Clay pipes from Sirmium // *Journal of the Academie Internationale de la Pipe*. Vol. 5. Liverpool. P. 9–15.

Meyza K., 1999. Fajki z drugiej połowy XVIII i pierwszej połowy XIX w.: z badań archeologicznych Zamku Królewskiego i miasta Warszawy // *Almanach Muzealny*. T. 2. Warszawa: Muzeum Historyczne m. st. Warszawy. P. 5–21.

Moller G., 2012. Von Tobacksaufern und tabakspinnern // *Stralsunder Hefte für Geschichte, Kultur und Alltag*. Stralsund. S. 71–75.

Peyssonnel C., 1787. *Traite sur le commerce de la Mer Noire*. T. 1. Paris. 340 p.

Puziuk J., 2015. Fajki z badań archeologicznych w Krakowie – źródło mówiące o tradycji, obyczajach i handlu mieszkańców nowożytnego miasta // *Zielonogórskie Spotkania Źródłoznawcze. Na tropie źródła i jego interpretacji*. Zielona Góra. T. 1. S. 77–88.

Radu L., Radu-Iorgus C., Ionescu M., 2013. Pipe ceramice descoperite la Mangalia // *Peuce. Studii și cercetari de istorie și arheologie*. Serie Nouă XI. Tulcea: Institutul de Cercetări Eco-Muzeale. P. 239–254.

Robinson R. A. M., 1985. Tobacco Pipes of Corinth and of the Athenian Agora // *Hesperia*. Athens: ASCSA. Vol. 54. Is. 2. P. 149–203.

Vincenz A., de, 2016. Chibouk smoking pipes – secrets and riddles of the ottoman past // *Arise, walk through the land. Studies in the Archaeology and History of the Land of Israel in Memory of Yizhar Hirschfeld on the Tenth Anniversary of his Demise*. Jerusalem: Old City Press. P. 111–120.

Vyšohlíd M., 2009. Bohemia // *Journal of the Academie Internationale de la Pipe*. Vol. 2. Liverpool. P. 17–25.

Vyšohlíd M., 2011. Dvojdílné keramické dýmky 17–19. století z archeologických nálezů v českých // *Historia výroby fajok a archeologické nálezy fajok na slovensku, Tekovské múzeum v Leviciach*. Levice. S. 80–81.

A. A. Saturin

“Turkish” smoking pipes from the collection of the Kostroma Museum-Reserve

Summary

The article discusses the history of the study of smoking pipes of the 18th – 19th cc. and presents materials from archaeological excavations on the territo-

ry of Kostroma city, as well as donated by the museum to private owners. A grouping of pipes based on their shape and proportions is proposed.

List of figures

Fig. 1. Cupboard wall unit, fragment of painting, 2nd half of the 19th century. Buisky district of Kostroma region, the village of Barinovo. The work of local dyers

Fig. 2. Smoking pipes of group 1

Fig. 3. Smoking pipes of group 2

Fig. 4. Smoking pipes of groups 3–5

Fig. 5. Stamps on pipes from the collection of the Kostroma Museum-Reserve

Fig. 6. Smoking pipe